

УДК 316.1:316.422

© 2015 г.

В.В. Маркин

**РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЮГА РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ МНОГОМЕРНОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ И МОДЕЛИРОВАНИЯ
В СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ¹**

Маркин Валерий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН, г. Москва, e-mail: markin@isras.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы многомерной идентификации регионального развития в контексте социального пространства России. Даны оценки основных факторов этого развития в дискурсе общероссийской и региональной идентификации. Особо выделяется аспект этнорегиональной идентичности. Предлагается новый подход к моделированию регионов на основе комплексной оценки согласованности (сбалансированности) уровня и динамики экономического и социального развития, удовлетворённости основных групп населения различными сторонами своей жизни и деятельностью органов регионального управления (с использованием методики и данных мониторинга оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации). Особое внимание уделяется регионам Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

Ключевые слова: региональное развитие Юга России, многомерная идентификация, моделирование регионов, согласованность (сбалансированность) экономического и социального развития, удовлетворённость населения жизнью и деятельностью органов регионального управления.

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00093.

Для изучения трансформации российского общества важное значение имеет социально-пространственная и социально-территориальная идентификация региональных сообществ.

Используя методологию П. Бурдые [1, 2], социально-пространственная идентификация может быть определена как выявление, измерение и моделирование позиций и диспозиций индивидов и социальных групп, выступающих в качестве акторов (агентов) – носителей практик тех или иных видов деятельности, осуществляемых на различных социальных полях как структурированных пространствах позиций. При этом выделяются объектная сторона – поля, где социальное пространство структурируется в институциональном порядке областей экономики, политики и т.п., образуются соответствующие социально-экономические, социально-политические и другие отношения акторов (агентов), строятся их действия; субъектная – реальные позиции, занимаемые акторами на данном поле; субъективная – представления акторов о своих позициях, в том числе отношении к ним с возможной привязкой по месту и времени.

В отличие от социально-пространственной социально-территориальная идентификация предполагает выявление и моделирование позиций и диспозиций индивидов и социальных групп как носителей различных практик жизнедеятельности в качестве жителей (групп жителей) конкретного территориального образования, населенного пункта и (или) его части, их социально-территориальные общности (сообщества), а также органов власти, бизнес-структур, институтов гражданского общества, представленных в данных территориальных образованиях, позиции и диспозиции которых складываются по поводу использования территории, её природного, социально-экономического и социокультурного потенциалов.

При этом, в отличие от социально-пространственной идентичности, где верифицируются и маркируются институты, векторы-азимуты, место актора, ценностные ориентации и т.д., в социально-территориальной идентичности однозначно определяется принадлежность к общности жителей конкретного поселения (города, села, поселка, при необходимости – его части), поселенческо-расселенческого образования (района, агломерации и т.п.), региона (области, края и т.п.), их оценки удовлетворенности своей жизни на этой территории, то есть происходит территориальная локализация социально-пространственной идентичности по месту.

Регион представляет собой достаточно обособленную часть социального пространства России, в которой на очерченной в государственно-правовом порядке территории (субъекта Российской Федерации), в условиях имеющихся природно-климатических, социально-экономических, социокультурных и других особенностей, действуют и взаимодействуют институциональные акторы практически всех основных социальных полей и масштабов (от глобальных, международных до локальных). Региональный узел взаимодействия служит своеобразным трансформатором социально-пространственного регулирования на определенной территории всех цепей социальных процессов – от глобальных и общенационально-государственных до местных (поселенческих) с более или менее выраженной обратной связью. Социологическое изучение этого узла должно учитывать как то особенное, что имеет тот или иной регион в особенностях своей социальной конфигурации (конкретные условия, факторы и механизмы организации жизнедеятельности данного территориального сообщества, институциональных акторов социальных полей территории), то есть социально-пространственную дифференциацию по территориальному основанию (признаку), так и включенность данного регионального узла в общесоциетальные связи (общегосударственную организацию), то есть социально-пространственную интеграцию, главным вектором которой является консолидация региональных и местных сообществ, институциональных акторов территориальных полей в общем пространстве России.

В качестве непосредственных методологических оснований исследования региональных узлов социального пространства России нами выделяются концепции: М.К. Горшкова – о социальной идентификации российского общества на основе социологической диагностики реальных состояний общественных процессов [3]; Л.М. Дробижевой – о сочетании российской, гражданской, этнической и региональной идентичностей [4]; Н.И. Лапина – о социокультурных факторах консолидации региональных сообществ в условиях модернизации России [5]; Т.И. Заславской и В.А. Ядова – о многомерном социетальном пространстве России [6]; В.В. Маркина – о социальном моделировании регионов на основе многомерной идентификации [7].

В условиях, сформировавшихся за последние десятилетия в России, особое значение имеют региональные неравенства. Они выражены не только в общероссийском пространстве, но и в макрорегиональном аспекте, каким в данном случае выступает Юг России, представленный в политико-управленческом плане двумя федеральными округами: Южным и Северо-Кавказским.

Можно выделить три основных вида неравенств:

– ресурсные, имеющие природно-сырьевую и климатическую основы;

– экономические, во многом связанные с природно-сырьевой и климатической основами, но имеющие самостоятельные механизмы воспроизводства и регулирования, также выражающиеся и в неравенстве преобладающих технологических укладов;

– социальные, связанные с ресурсными и экономическими неравенствами, но имеющие собственное содержание в региональных особенностях воспроизводства социальной, в том числе слоевой и этнической структурах, уровне и качестве жизни основных групп населения.

Все это так или иначе накладывается на этнокультурное разнообразие региональных сообществ (коренное и прибывшее население, в том числе диаспоры) и представляет собой определенный социетальный вызов и риски глубоких и острых проявлений с возможными негативными последствиями.

При этом под глубиной неравенства понимается кратно выраженная разница в основных показателях экономического и социального развития, особенно уровня и качества жизни, а под остротой – чувствительность восприятия, когнитивно-эмоциональное выражение этой разницы, наблюдаемое и фиксируемое в основных группах региональных сообществ.

Глубина и острота региональных неравенств чревата целым рядом социальных рисков. Наиболее существенными из которых представляются следующие:

– дезинтеграция социального пространства макрорегиона и России в целом;

– обособление отдельных региональных сообществ, а внутри них отдельных социальных слоев и этнических групп;

– снижение удовлетворенности жизнью, нарастание чувства социального неблагополучия в региональных сообществах;

– утрата доверия к органам власти всех уровней;

– потеря жизненных перспектив, особенно среди молодежи;

– деградация человеческого потенциала, обесценивание человеческого капитала;

– возбуждение социальной зависти к «соседям»;

– рост напряженности в межнациональных (межэтнических) отношениях, ведущий к социально-этническим конфликтам.

Все это имеет достаточно высокую вероятность проявления в южнороссийских регионах, где этнокультурное разнообразие соединяется с южным темпераментом и особой ментальностью.

Таким образом, важной научной и практической проблемой представляется измерение региональных неравенств в России и в ее южном макрорегионе в особенности. В каких моментах эти неравенства могут восприниматься и считаться «нормальными», а в каких – несут в себе социальные риски.

Сравнительно легче эти неравенства просчитываются в экономической сфере, где имеется некий агрегированный показатель – валовой региональный продукт в его натуральной и стоимостной формах и отдельные важные составляющие: инвестиции, оборот продукции предприятий, располагаемые денежные доходы населения, элементы бюджетного процесса и т.д.

Сложнее это выявить в социальной сфере, где уровень и качество жизни хотя и выступают общим основанием, но не имеют общепринятого агрегированного показателя, особенно по качественной стороне, в которой показатели образования по их содержанию не могут агрегироваться с показателями здравоохранения, жилищно-коммунальной сферы и т.д. Попытка принять некие общегосударственные минимальные социальные стандарты на законодательном уровне по разным причинам не удалась. Пока единым общепринятым агрегированным показателем является так называемый прожиточный минимум, который, несмотря на его ограниченный диапазон, в первом приближении может быть использован для сравнения регионов и, соответственно, степени неравенства в отношении бедности.

Вместе с тем требуются научно-методически обоснованные комплексные измерения и оценки регионального развития в социальном пространстве России, которые для полноценного практического выхода должны иметь определенное согласование данных статистики и результатов социологических исследований, а самое главное – механизма использования в политико-управленческой деятельности на всех ее уровнях, начиная с федерального и заканчивая муниципальным.

В этом отношении особую значимость приобрел ежегодный мониторинг комплексной оценки регионального управления, налаженный во исполнение Указа Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 28 июня 2007 г. № 825 [8]. В этом мониторинге представлены не только статистические показатели экономического и социального развития, но и социологические – степени

удовлетворенности населения деятельностью органов регионального управления в социальной сфере и непосредственно главы субъекта РФ.

Анализ применительной практики, новые проблемы и задачи регионального развития сделали необходимым издание новой редакции Указа Президента Российской Федерации (под тем же вышеприведенным названием) от 21 августа 2012 г. № 1199 с соответствующей методикой, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2012 г. № 1142 с последующей корректировкой [9].

В соответствии с указом оценка эффективности рассчитывается на основе 12 показателей, которые условно сведены в 3 блока: развитие экономики, развитие социальной сферы по данным статистики, удовлетворенность населения (по опросам).

В блоке развития экономики приводятся показатели, характеризующие объем частных инвестиций в основной капитал, налоговые и неналоговые доходы консолидированного бюджета региона, реальные располагаемые денежные доходы граждан, оборот малого бизнеса, значения которых определяются в расчете на одного жителя, а также уровень ввода жилья.

К блоку социального развития отнесены показатели, характеризующие ожидаемую продолжительность жизни, естественную смертность, уровень реальной безработицы, долю обучающихся в государственных (муниципальных) общеобразовательных организациях, занимающихся в одну смену, и долю детей-сирот, не охваченных различными формами семейного устройства.

По каждому показателю рассчитывается сводный индекс, который является весовой комбинацией среднегодовых значений (уровня) и среднегодового темпа роста показателя (динамики), которому придается приоритетное значение.

На показатели, характеризующие развитие экономики, в соответствии с методикой приходится 50 % оценки эффективности. Вторая половина складывается из индексов статистических показателей оценки социального развития (30 %) и удовлетворенности населения по опросам (20 %).

Опросы населения представляют собой оценку мнения граждан, характеризующих уровень их удовлетворенности различными аспектами жизни, за состояние которых отвечают органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и оценку деятельности главы субъекта.

Данные мониторинга по вышеуказанной методике позволяют предложить новый подход к моделированию (группировке) россий-

ских регионов в аспекте преодоления предельных диспропорций экономического и социального развития и соответствующих неравенств. Так, можно условно выделить четыре основные модели (группы):

– регионы – лидеры сбалансированного развития, у которых все пять индексируемых показателей (по два из экономического и социального блоков и оценки удовлетворенности) имеют высокие значения в сочетании с относительно стабильным уровнем и существенным приростом по динамике экономического и социального развития, подкрепляемыми весьма высоким уровнем удовлетворенности жителей;

– регионы ближнего круга к лидерам, у которых имеются отдельные рассогласования достаточно высоких значений индексируемых показателей в целом;

– регионы среднего круга (между лидерами с ближним кругом и аутсайдерами), у которых весьма существенные рассогласования в комплексе индексов;

– регионы-аутсайдеры, которые имеют весьма низкие значения индексов или их резкое рассогласование (дисбаланс).

Анализ данных за 2014 г. представляются особенно интересным, поскольку в нем проявились тенденции развития регионов в условиях первого года текущего кризиса [10].

В первую группу лидеров (20 регионов) вошли Республики Татарстан, Чеченская, Ингушетия, Воронежская и Липецкая области, г. Санкт-Петербург, Тюменская и Тамбовская области, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Московская область, Республика Башкортостан, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Новосибирская область, Краснодарский край, Астраханская, Магаданская, Сахалинская области. В этой группе регионов-лидеров практически все действительно отличаются высоким удельным весом показателей уровня и динамики экономического и социального развития, без разрывов между ними. При этом они имеют и достаточно высокий уровень удовлетворенности жителей. По абсолютному большинству регионов этой группы он превышает 10 %, т.е. более 50 % от нормативного.

Пространственное распределение группы лидеров происходит по всем макрорегионам (в политико-управленческом разрезе – по нынешним федеральным округам), однако концентрируется в большей мере в центральной России (Центральный ФО – 4 региона, Приволжский – 4), а также в Уральском ФО – 3 (хотя все эти три субъекта РФ: Тюменская область, ХМАО и ЯНАО традиционно являются западносибирскими регионами). В лидеры выдвинулись два субъекта РФ из Северо-

Кавказского ФО (Чеченская Республика и Республика Ингушетия), что свидетельствует об определенных результатах согласованной федеральной и региональной политики, хотя пока так избирательно проявляющейся.

Группу лидеров также пополнили Республики Мордовия и Марий Эл, Астраханская, Магаданская и Тамбовская области, вошедшие в эту группу именно по критерию согласованности (гармоничности) основных показателей, особенно за счет динамики экономического и социального развития, относительной удовлетворенности жизнью и властью в региональных сообществах.

В ближнем круге (20 регионов) сложилась следующая группа: Курская, Ростовская, Пензенская, Ивановская, Белгородская, Вологодская, Омская, Калужская области, Чувашская Республика, Республика Саха (Якутия), Калининградская, Рязанская, Тульская, Ярославская, Нижегородская области, Республика Хакасия, Оренбургская область, Ульяновская область, Пермский край, Удмуртская Республика. Здесь еще более заметна концентрация регионов Центра России и Поволжья – 14 (по 7 в Центральном и Поволжском ФО). Из других: два северозападных региона, два сибирских, по одному из Южного ФО (Ростовская область) и Дальневосточному ФО (Республика Саха (Якутия)). Особенностью этой группы является то, что ряд входящих в нее регионов (практически половина) – это потенциальные лидеры, для чего не хватает чуть-чуть, как, например, Белгородской области – динамики социального развития (6,4 %), хотя уже нынешний уровень его – с превышением нормативного (21,2 %). Подобные рассогласования характерны и для некоторых других. В то же время 8 регионов этой группы показали невысокую удовлетворенность жителей (менее 10 % от нормативных 20 %).

Существенные рассогласования показателей – характерная черта группы 20 регионов среднего круга: Республика Дагестан, Ставропольский край, Кабардино-Балкарская Республика, Самарская область, Владимирская область, Республика Северная Осетия – Алания, г. Москва, Псковская, Новгородская, Томская области, Республика Адыгея, Кировская область, Республика Калмыкия, Приморский край, Смоленская, Кемеровская области, Республика Бурятия, Костромская область, Хабаровский край, Республика Алтай. Эта группа и в пространственном отношении разнообразна: 4 региона из Центрального ФО, 4 – из Северо-Кавказского, по 2 – из Северо-Западного, Приволжского, Южного, Дальневосточного.

На разрывы показателей в данной группе особое влияние оказали низкие оценки удовлетворенности жителей деятельностью институтов социальной сферы, а в конечном итоге – региональной властью. В 12 регионах этой группы удовлетворенность менее половины от «нормативной».

В числе других в этой группе оказалась Москва – город федерального значения. Повод для такого причисления – низкий показатель динамики социального развития (5,3 %), хотя, так же как и в примере с Белгородской областью, уровень его развития зашкаливает (27,2 %). Очевидно, что регионы, имеющие подобный уровень (таких очень малая группа в целом), для оценки динамики должны иметь какие-то специальные поправочные коэффициенты, поскольку от «сверхбольших» объемов достигнутого каждое последующее продвижение должно адекватно учитываться.

Наибольшие рассогласования, значительные разрывы между блоками оценки в группе аутсайдеров (23 региона) в макрорегиональном плане сконцентрированы в представленных дальневосточных (5) и сибирских (4) регионах. В нее также вошли 5 северозападных регионов, по 3 – из Центрального и Уральского ФО, по одному – из остальных. Это Карачаево-Черкесская Республика, Саратовская, Орловская области, Алтайский край, Волгоградская область, Красноярский край, Ленинградская область, Чукотский автономный округ, Брянская, Амурская, Архангельская области, Республика Коми, Мурманская, Тверская, Свердловская, Челябинская, Еврейская автономная области, Республика Тыва, Иркутская область, Камчатский край, Забайкальский край, Курганская область, Республика Карелия.

Именно в этой группе оказались самые большие разрывы между показателями экономического и социального блоков (в том числе внутри их) и оценками опрошенных жителей. В этих оценках преобладает неудовлетворенность различными сторонами жизни и региональной властью (в 15 регионах – менее 10 % от нормативных 20 %, в том числе в 10 – менее 5 %). Именно такое состояние недовольства жителей опустило большинство регионов из этой группы на уровень аутсайдеров, хотя практически каждый из них имеет значительный экономический потенциал.

Конечно, представленная группировка акцентирует некоторые отдельные моменты комплексной оценки, в частности динамику развития. Однако главное достижение мониторинга в том, что органы власти и институты гражданского общества получили механизм и инструментарий оценки своей деятельности в социетальном простран-

стве России – страны регионов по тенденциям выравнивания и сбалансированности экономического и социального развития, удовлетворенности региональных сообществ своей жизнью и властью в их согласованном формате.

Вместе с тем мониторинг по вышеуказанным критериям должен также производиться и на муниципальном уровне, тем более для этого имеются и нормативно-правовые основания по Указу Президента Российской Федерации № 607 от 28 апреля 2008 г. «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», при учете их специфики.

В современных условиях именно на местном уровне особенно остро проявляются случаи повышенной напряженности и даже конфликтности по каким-то на первый взгляд незначительным поводам.

В таких конфликтах мобилизация обычно происходит на основе групповой идентичности, базирующейся на общности этничности, религии, культуры, языка и т.п. Но так или иначе конфликты несут в себе проблему распределения экономических, социальных и властных ресурсов внутри местного социума. Именно тогда, когда существует комбинация факторов различной идентичности с более широким ощущением экономического и социального неравенства и несправедливости, вероятнее всего возникновение наиболее сложных для регулирования конфликтов.

Полиэтничность регионов Юга России при наложении на особенности их социально-пространственной идентификации усиливает остроту социетального неравенства, создает свои вызовы социально-экономическому и социокультурному развитию конкретных территорий и российского общества в целом. Многосоставность этих региональных и местных сообществ выдвигает органам власти и управления вопросы, связанные с региональными неравенствами и с консолидацией Юга России в общероссийском пространстве, обеспечением политической целостности и безопасности страны в целом.

Литература

1. Бурдые П. Начала. Cheses dites / пер. с фр. А.А. Шматко. М., 1994.
2. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр., отв. ред. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2007.
3. Горшков М.Н. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011.
4. Дробизжева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и по-

References

1. Burd'e P. Nachala. Cheses dites / per. s fr. A.A. Shmatko. M., 1994.
2. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva / per. s fr., otv. red. N.A. Shmatko. M.; SPb., 2007.
3. Gorshkov M.N. Rossiyskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki). M., 2011.
4. Drobizheva L.M. Gosudarstvennaya i etnicheskaya identichnost': vybor i

движность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006.

5. *Лопин Н.И.* Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009.

6. *Заславская Т.И.* Социальные трансформации России в эпоху глобальных изменений (в соавторстве с В.А. Ядовым) // Социология и общество: пути взаимодействия / под ред. Г.В. Осипова, М.К. Горшкова. М., 2010.

7. *Маркин В.В.* Региональная социология: диалог науки и практики // Вехи российской социологии 1950–2000 годы / отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб., 2010.

8. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 27. Ст. 3256.

9. Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102158895> (дата обращения: 16.11.2015).

10. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Федерации по итогам 2014 года. URL: <http://government.ru/orders/17970/> (дата обращения: 16.11.2015).

podvizhnost' // Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoy Rossii. M., 2006.

5. *Lapin N.I.* Regiony v Rossii: sotsiokul'turnye portrety regionov v obshcherossiyskom kontekste. M., 2009.

6. *Zaslavskaya T.I.* Sotsial'nye transformatsii Rossii v epokhu global'nykh izmeneniy (v soavtorstve s V.A. Yadovym) // Sotsiologiya i obshchestvo: puti vzaimodeystviya / pod red. G.V. Osipova, M.K. Gorshkova. M., 2010.

7. *Markin V.V.* Regional'naya sotsiologiya: dialog nauki i praktiki // Vekhi rossiyskoy sotsiologii 1950–2000 gody / отв. ред. Zh.T. Toshchenko, N.V. Romanovskiy. SPb., 2010.

8. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2007. № 27. St. 3256.

9. Ukaz Prezidenta RF «Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noy vlasti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102158895> (data obrashcheniya: 16.11.2015).

10. Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noy vlasti sub"ektov Federatsii po itogam 2014 goda. URL: <http://government.ru/orders/17970/> (data obrashcheniya: 16.11.2015).